

Referenses

1. Volkogonov D. A. Kul'tura i revoljucija // Trockij. Politicheskij portret. – M.: AST, 1998. – Т. 1.
2. Voroncov A. V. Leninskaja teorija kul'turnoj revoljucii i sovremennost' // V. I. Lenin v sovremennom mire: materialy mezhdunarodnoj nauch.-prakt. konf., Razliv, 22 apr. 2011 g. – SPb., 2011. – S.23-30.
3. Georgieva G.S. Istorija russskoj kul'tury. Uchebnoe posobie. – M.: Jurajt, 1999.
4. Zezina M.R., Koshman L.V., Shul'gin V.S. Istorija russskoj kul'tury. – M.: Vysshaja shkola, 1990.
5. Il'ina T.V. Istorija iskusstv. Russkoe i sovetskoe iskusstvo. – M.: Vysshaja shkola, 1989.
6. Il'ina E.A., Burov M.E.. Kul'turologija: Konspekt lekcij. – M.; MIJeMP, 2005.
7. Lenin V.I. Polnoe Sobranie Sochinenij, T. 35, M.: Politizdat, 1974. [Jelektronnyj resurs]. -- http://publ.lib.ru/ARCHIVES/L/LENIN_Vladimir_Il'ich/_Lenin_V.I._PSS5_.html
8. Rapackaja L.A. Russkaja hudozhestvennaja kul'tura. Uchebnoe posobie. – M., 1998.
9. Rozental' I. Revoljucija i literatura // Moja zhizn' / L. Trockij. – M.: Vagrius, 2001.
10. Fel'shtinskij Ju., Chernjavskij G. Novaja kul'tura // Lev Trockij. Kniga 3. Oppozicioner. 1923–1929 gg. – M.: Centrpoligraf, 2013.

УДК 82-8 DOI: 10.24045/conf.2017.1.8

ТЕМА РОДНОЙ ЗЕМЛИ В ТВОРЧЕСТВЕ РУССКИХ ПОЭТОВ

*Донская Т.К.,
доктор педагогических наук,
профессор кафедры русского языка как иностранного и межкультур-
ной коммуникации,
академик Петровской академии наук и искусств
Белгородский государственный институт искусств и культуры,
Белгород, Россия*

Аннотация. В статье проводится филологический анализ этнического компонента в языковой структуре произведений русской литературы. Автор анализирует ментальные особенности русского национального самосознания, отразившиеся в понятиях, образах и символах родного языка. Сквозной мыслью является сохранение традиций в русской литературе, начиная с XII и кончая XX веком. Особое внимание автор уделяет концепту «родная земля» в творчестве Анны Ахматовой.

Ключевые слова: русская литература, советская литература, тема родины в поэзии, Анна Ахматова.

THE THEME OF HOMELAND IN THE WORKS ANNY AHMATOVOY

*Donskaya T.K.,
Doctor of pedagogical sciences,
Professor of the Department of Russian as a Foreign Language and Inter-
cultural Communication,
Academician Petersburg Academy of Arts and Sciences
Belgorod, Russian Federation*

Abstract. In the article, a philological analysis of the ethnic component in the linguistic structure of the works of Russian literature is conducted. The author analyzes

the mental peculiarities of Russian national identity, reflected in the concepts, images and symbols of the native language. The material for analysis is prosaic and poetic works of Russian literature of the XIX - XX centuries. The author pays special attention to the concept of «native land» in the work of Anna Akhmatova.

Keywords: Russian literature, Soviet literature, the theme of homeland in the poetry, Anna Akhmatova.

Антропоцентрическое направление в современных отечественных и зарубежных лингвистических исследованиях, обратившихся вслед за В. фон Гумбольдтом, Ф.И. Буслаевым, И.И. Срезневским, А.А. Потебнёй, К.Д. Ушинским и др. к проблеме «Язык и культура», привело к углублённому проникновению в *ментальные особенности родного, русского, языка*, что, в свою очередь, позволяет обогатить процесс анализа *этнофилологического компонента в структуре произведений русской художественной литературы*, составной частью которого становятся *ментальные особенности русского национального самосознания*, отразившиеся в понятиях, образах и символах родного языка.

Исследования Е.М. Верещагина, В.В. Колесова, В.Г. Костомарова, Кошарной С.А., Савельевой Л.В., Савенковой Л.Б., Степанова Ю.С., Тарланова З.К., Телия В.Н., Толстого Н.И., Топорова В.Н., Фрумкиной Р.М., Хроленко А.Т. и др. свидетельствуют о том, что языковая картина мира каждого народа отражает национальное мирозерцание и мироощущение окружающей действительности, наполняя её образами, понятиями и символами, воплотившими исторически сложившиеся *национальные ценности*, составляющие нравственные, эстетические и культурные достоинства русского народа.

Достижением современной лингвистики является *теория концепта и словесного знака*, «которые описаны методом феноменологических редукций от конкретно вещного до абстрактно идеального, от явления (феномена) *понятия (conceptus a)* к сущности *к о н ц е п т а (conceptum)*» [5, с. 5]. И как здесь не вспомнить слова М.М. Пришвина, сказанные о чувстве природы в сознании народа и в его сердце: «...и лучше как-нибудь работать гражданином мира, но как переступить через родину, через самого себя? Ведь только я сам, действительно близкий к грубой материи своей родины, могу преобразить её, поминутно спрашивая: «Тут не больно?», и если слышу «больно», ощупываю в другом месте свой путь. Другой-то разве станет так церемониться, разве он «за естественным богатством» железа, нефти и угля захочет чувствовать человека? Вот верно как-то через уважение к родным, некоторым друзьям и, главное, через страстную любовь к природе, увенчанной своим родным словом, я неотделим от России...» [7]. «Все компоненты концепта «Родная земля», как он реально существует в русском менталитете нашего времени, даны здесь у Пришвина, – считает Ю.С. Степанов, – один за другим: а) боль за свою землю, б) «естественное богатство», в) сама земля, г) родной человек, д) природа, увенчанная е) родным словом» [8, с. 170]. А я бы добавила ещё один – самоотверженная любовь и преданность родной земле,

кровная связь с ней, святая любовь к её Святыням. «Святая» – в значении «Глубоко чтимая, такая, в которой заключено самое дорогое и заветное»; «Святыня» – «Что-либо особенно дорогое, любовно хранимое, чтимое».

Я не люблю, о Русь, твоей несмелой,
Тысячелетней, рабской нищеты.
Но этот крест, но этот ковшик белый...
Смиренные, родимые черты!

И.А. Бунин

«В лесу, в горе родник...» (1905)

Исторически сложившиеся культурные символы через категории и формы родного языка, в которых зафиксированы результаты «работы» народного самосознания, передаются из поколения в поколение как завещание из прошлого в будущее... Культурные символы рожают индивидуальные ассоциации, но историческая память народа бережно хранит и творит легенды о русских богатырях, сражавшихся за честь и свободу родного Отечества, не жалея живота своего: «и бились так крепко и нещадно, что и сама земля застонала» («Слово о полку Игореве»); безымянные авторы творили сказки и сказы о Граде Китеже; воспевали супружескую верность Ярославны и благоверной рязанской княгини Евпраксии; хранили в сердце своём слова Благоверного Святого князя Александра Невского: «Кто с мечом к нам придёт, от меча и погибнет!».

«Из рассказов о прошлом, – размышляет Д.С. Лихачёв, – каким бы оно ни было, – дурным или хорошим, – извлекается опыт» [5, с. 47].

Два чувства дивно близки нам –
В них обретает сердце пищу –
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
Животворящая святыня!
Земля была б без них мертва.

А.С. Пушкин

Мудрость и бессмертие пушкинских заветов с особой силой почувствовал наш народ в годы Великой Отечественной войны, особенно войны России, когда им приходилось, отступая, оставлять под фашистскими сапогами могилы героических защитников Бреста, Бородино, Пскова, Великого Новгорода, Севастополя... И, может быть, только К.М. Симонову удалось с особым чувством горечи и злости передать стыд за оставленные на поругание солдатские могилы героических защитников Родины:

Глухими ночами,
Когда мы отходим назад,
Восставши из праха, за нами
Покойники наши следят.
Солдаты далёких походов,
Умершие грудью вперёд,
Со срамом и яростью слышат
Полночные скрипы подвод...

Ты слышишь, товарищ, ты слышишь,
Как мёртвые следом идут,
Ты слышишь: не только потомки,
Нас предки за это клянут.

Клянёмся ж с тобою, товарищ,
Что больше ни шагу назад!
Чтоб больше не шли вслед за нами
Безмолвные тени солдат...

Чтоб этот досель неизвестный
Кусок нас родившей земли
Стал местом последним, докуда
Последние немцы дошли.

К. Симонов
«Безыменное поле» (1942)

Когда посещаешь святые для сердца русского места: Троице-Сергиевскую Лавру, Пушкинские Горы, Тарханы, Пискарёвское кладбище, Мамаев Курган, Куликовское, Бородинское или Прохоровское поле, Третье поле русской славы, и др. не менее священные края и святые имена, – разве не испытываем на себе «животворящую силу» нравственного подвига наших соотечественников во имя любви к Родине? «Разве не возвращаемся...обновлёнными духовно, с огромным запасом животворящих впечатлений?» [5, с. 47].

«Есть имена, которые носили исторические люди, жившие в известное время, делавшие исторически известное жизненное дело, но имена, которые...выступили из границ времени, когда жили их носители. Это потому, что дело, сделанное таким человеком, по своему значению так далеко вышло за пределы своего века, своим благородным действием так глубоко захватило жизнь дальнейших поколений, что с лица, его сделавшего, в сознании этих поколений постепенно спадало всё временное и местное, и оно из исторического деятеля превратилось в народную идею, а самоё дело его из исторического факта стало практической заповедью, заветом, тем, что мы привыкли называть идеалом. Такие люди становятся для грядущих поколений не просто великими покойниками, а вечными спутниками, даже путеводителями, и целые века благоговейно твердят их дорогие имена не столько для того, чтобы благодарно почтить их память, сколько для того, чтобы самим не забыть правила, ими завещанного» [3]. И среди них имена и деяния Владимира-крестителя, Ярослава Мудрого, Александра Невского, Дмитрия Донского и Сергия Радонежского, Стефана Пермского, Ломоносова и, конечно же, Пушкина... У нас с ними один родной наш язык, одна земля, одна природа, одна история с её прошлым, настоящим и будущим...

Поэзия не в том, совсем не в том, что свет
Поэзией зовёт. Она в моём наследстве.
Чем я богаче им, тем больше я поэт.

И. Бунин.
В горах. (1916)

И нельзя не согласиться с проф. В.В. Колесовым в том, что «проникновение в сущность концепта, энергия которого...преобразует культурные парадигмы в соответствии с требованиями времени и служит главным признаком национальной идентификации во времени и в пространстве» [4, с. 6].

Русь моя! Люблю твои берёзы!
С детских лет я с ними жил и рос...
Вот и набегают слёзы на глаза,
Отвыкшие от слёз...

Н. Рубцов
«Берёзы» (1957)

Образ родной русской берёзы воспринимается поэтом и нами, его читателями, согражданами, разделяющими с автором это чувство сокровенной любви к родной природе, образом которой является берёза как символ родного Отечества, рождает индивидуальные ассоциации, пронизанные, однако, общенациональным нравственным смыслом – родное русское деревце, белоствольное чудо России, которое, по словам В. Астафьева, «пахнет Родиной». А К.М. Симонов писал во время Великой Отечественной войны:

Но в час, когда последняя граната
Уже занесена в твоей руке...
Ты вспомнишь не страну большую...
Ты вспомнишь родину – такую,
Какой её ты в детстве увидал.
Клочок земли, припавший к трём берёзам...
Да, можно выжить в зной, в грозу, в морозы,
Да, можно голодать и холодать,
Идти на смерть... Но эти три берёзы
При жизни никому нельзя отдать.

К. Симонов
«Родина» (1941)

Тема родной земли – традиционная тема в творчестве русских писателей. Русь издавна привлекала к себе алчные взоры захватчиков и с запада, и с востока, поэтому уже в летописях отразилась эта горькая боль за родину-Мать: «...много зла учинили Русской земле...». И только колоссальная жизнестойкость русского народа, его безграничная любовь к своему Отечеству могла противостоять многочисленным захватническим набегам и войнам, опустошавшим города и сёла Руси, России... Совершенно справедливо и горделиво утверждал наш выдающийся историк XIX века В.О. Ключевский, оценивая роль русского народа в борьбе против татарского ига: «Одним из отличительных признаков великого народа служит его способность подниматься на ноги после падения. Как бы ни было тяжко его унижение, но пробьёт урочный час, он соберёт свои растерянные нравственные силы и воплотит их в одном великом человеке или в нескольких великих людях, которые и выведут его на покинутую им временно прямую историческую дорогу» [3].

Блестящий знаток русской истории, философ, талантливый пропагандист исторических знаний, владевший отточенной афористической речью,

В.О. Ключевский на многочисленных исторических фактах показал судьбоносную роль русского народа и его великих представителей, положивших жизнь свою «за други своя» во имя политического и нравственного величия Отечества. «Примером своей жизни, высотой своего духа» великие служители Отчизны пробуждали в душах современников доверие к себе, вдохновляли на борьбу во имя лучшего будущего, так как они вышли из народа, «были плоть от плоти нашей и кость от костей наших» [3].

Но, посвящая им бессмертные произведения, летописцы, русские писатели и общественные деятели с особой сердечной нежностью наделяли их чутким сердцем, внимавшим голосу родной земли: «И были плач и печаль на Руси и по всем землям, слышавшим об этой беде...». («Повесть о битве на реке Калке», написанная после победы монголо-татар на реке Калке в 1223 г.). Безымянные авторы древнерусской литературы, как и создатели народных жанров устного народного творчества, в том числе и талантливый автор «Слова о полку Игореве», создают обобщённый образ Русской земли, непосредственные упоминания о которой – «*О Русская земля! уже за шеломянем еси!*», «*Тоска разлилася по Русской земли, печаль жирна тече средь земли Рускыи*», «*Вступита господина, въ злата стремянь за обиду сего времени, за землю Русскую*» – могут быть отнесены ко всей Руси, передавая горе и печаль от разорения и нанесения ей поругания со стороны половцев, во время набегов разорявших красоту родной земли, нанося ей кровавые раны...

«*Приуныли цветы с жалости, а деревья с печалью к земле приклонились*», – печалится автор «Слова...» после смерти юного князя Ростислава... Но ликует природа, радуясь освобождению Игоря от плена:

«*Солнце светит на небе, Игорь-князь – в Русской земле! Девицы поют на Дунае, вьются голоса через море до Киева*».

«Картина вселенской скорби и гибели, сопровождающая пленение героя, вполне соответствует вселенскому ликованию при его возвращении...» [2, с. 28]. Не случайно именно в «Слове» встречаем необычное имя «русичи», которое нигде за пределами «Слова» не встречается, которое относится, по мысли Б. Гаспарова, не только к русскому племени, но и ко всем обитателям Русской земли. Оттуда, из глубин нашей истории, и вошло в наше сознание дружественное отношение к многонациональному единству русичей, защищавших плечом к плечу с русскими свободу и независимость Руси, России от многочисленных захватнических поползновений вражеских полчищ. И, может быть, наиболее убедительно свидетельствуют о нравственно-ценностном отношении нашего народа к родной земле, Земле «отич и дедич», «говорят» многочисленные эпитеты, вошедшие не только в поэтическое, но и в речевое сознание русичей [7]: «*благословенная, благословенная (устар.), великая, вольная, горькая, дорогая, древняя, милая, мирная, многострадальная, отеческая, родимая, родная, священная, сказочная, царственная*» [7, с. 170-171], отражающие народное мировидение, вошедшее в содержание русского национального **концепта РОДНАЯ ЗЕМЛЯ** и воплощённое в произведениях русских писателей разного времени:

«Да ведают потомки православных
Земли р о д н о й минувшую судьбу».

А.С.Пушкин
«Борис Годунов»

«...Тысячелетняя история наша – это тысяча лет
тяжёлой борьбы за о т е ч е с к у ю землю».

А.Н.Толстой
«Несокрушимая крепость»

«Солдаты в окопах шалели
И падали в смертном бою,
Но жизни своей не жалели
За г о р ь к у ю землю свою».

М. Дудин
«И нет безымянных солдат...»

Этот народный взгляд *русичей* на свой долг Сына Отечества пронизывает прозу и поэзию многонациональных писателей России, так как Россия как государство – это не только географические границы, экономика, правовые институты и т.п., но и представления его населения о себе в качестве *представителей общности России как самостоятельного государства*, уникального именно в силу многовекового дружественного сотрудничества и толерантных отношений между её «многоязыкими» (Н.К.Рерих) народами, в которой невозможна была Варфоломеевская ночь...

Концепт **РОДНАЯ ЗЕМЛЯ** в русском языковом сознании, являясь архетипом, объективно стал **соборным образом**, объединившим русичей в далёком прошлом и россиян в современной России, оказывая эмоциональное воздействие его ценностного компонента на восприятие **концепта РОДНАЯ ЗЕМЛЯ** многонациональными писателями и поэтами России как общего для более чем 160 народов и народностей РФ – **ДОМА**.

Воспетая народом красота родной земли в русском устном народном творчестве («Во поле берёзонька стояла,/Во поле кудрявая стояла...») как символ родной земли); в древнерусской литературе автор «Слова о полку Игореве» призывал к защите родного Отечества и родной земли от многочисленных врагов (Игорь «напряг ум волею своею и отточил сердце своё мужеством, исполнившись ратного духа, повёл свои храбрые полки на землю Половецкую за землю Русскую...»); литература же XIX века полна раздумий и противоречивого, двойственного чувства к «стране рабов, стране господ»:

Люблю отчизну я, но странною любовью –
Не победит её рассудок мой...
Люблю дымок спалённой жнивы,
В степи ночующий обоз,
И на холме средь жёлтой нивы
Чету белеющих берёз...

М.Ю. Лермонтов
«Родина» (1841)

И в XX веке эта тема по-прежнему в центре внимания художников слова, по-разному воспринявших события Революции 1917 года.

Не с теми я, кто бросил землю
На растерзание врагам.
Их грубой лести я не внемлю,
Им песен я своих не дам...

А.А. Ахматова

Но и там, далеко от родимой земли, не менее страстно клялись в верности и преданности Родине русские люди, волей судьбы оказавшиеся вдали от её степных просторов, от «разливов рек её, подобные морям».

О, неподатливый язык!
Чего бы попросту – мужик,
Пойми, певал и до меня:
«Россия, родина моя!»

Но и с калужского холма
Мне открывалась она –
Даль, тридевятая земля!
Чужбина, родина моя!

М.И. Цветаева
«Родина» (1932)

Родная земля – в то же время это ещё и символ Родины, Отечества, Отчизны, её нетленной, вечной красоты, символ любви и верности, воплощённой в образах есенинской берёзовой России.

Но, может быть, самое пронзительное чувство преданности и вины перед ней, покидая Россию, выразил И.А. Бунин, обратившись к евангельской притче о блудном сыне:

И цветы, и шмели, и трава, и колосья,
И лазурь, и полуденный зной...
Срок настанет – Господь сына блудного спросит:
«Был ли счастлив ты в жизни земной?»

И забуду я все – вспомню только вот эти
Полевые пути меж колосьев и трав –
И от сладостных слез не успею ответить,
К милосердным Коленам припав.

И.А. Бунин (1918)

При филологическом анализе творчества русских и российских поэтов учёт концептов, их ментальных особенностей помогает раскрыть новые грани авторского понимания характера родного народа, своей принадлежности к его ценностям, а исследователям – более объективно подойти к понятию «народный писатель/поэт», «народность в литературе и искусстве». С этих позиций совершенно неожиданно раскрывается творчество А.А. Ахматовой, односторонняя характеристика которого в литературоведении XX в. не соответствует

основной теме всего её творческого наследия – теме России, родной земли, родного народа и своей судьбы как русского поэта XX века.

Начало XX века в Российской истории было ознаменовано такими судьбоносными событиями для Российского государства, как русско-японская война, 9 января 1905 года, первая мировая война, Октябрьская революция 1917 года, Гражданская война, что сказалось на судьбе и творчестве поэтов Серебряного века русской литературы, в том числе и в творчестве А.А. Ахматовой, чутко откликавшейся на события, свидетельницей и участницей которых ей довелось быть. Анализ многих её стихотворений и статей, созданных в период с 1913 года («Ты знаешь, я томлюсь в неволе...») по 1965 год («Коротко о себе»), в которых она предельно искренно поведала своим читателям о самом сокровенном – о своей кровной и неразрывной связи со *своей землёй*, со своим народом, с родной природой, с родной русской речью, созданной и переданной нам нашими предками, раскрывает нам мало знакомый широкому читателю образ поэтессы России XX века.

В центре её творчества был великий и трагический образ *родной земли*, о которой она скажет в конце жизни в стихотворении «Родная земля»:

Но ложимся в неё и становимся ею,
Оттого и зовём так свободно – своею.

А.А. Ахматова (1961)

Откуда же в этой рафинированной поэтессе Серебряного века оказалось столько мужества, стойкости, силы воли, чтобы противостоять многочисленным «голосам», которые звали её «утешно» оставить Россию навсегда?»

Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не осквернился скорбный дух...

*А.А. Ахматова
«Мне голос был...» (1917)*

Позже она скажет: «Вскоре после Октябрьской революции очень многие мои современники...покинули Родину. Для меня этот вопрос никогда не вставал»[1].

Для А.А. Ахматовой *родная земля* – это земля её предков, о кровной связи с которыми она говорила ещё в юношеских стихах:

Спокойной и уверенной любви
Не превозмочь мне к этой стороне:
Ведь капелька новгородской крови
Во мне – как льдинка в песенном вине...

Это и «скудная тульская земля», но от этого не менее дорогая, близкая и понятная (Слепнево, 1913). И самое сокровенное – земля, вскормившая гений Пушкина («Смуглый отрок бродил по аллеям...» 1911), к голосу которого она прислушивалась всю жизнь и следовала в своём служении Отчизне:

Иди один и исцеляй слепых,
Чтобы узнать в тяжёлый час сомненья
Учеников злорадное томленье
И равнодушие толпы.

«Нам свежесть слов и чувства полноту...»

Здесь явные мотивы «Пророка» А.С. Пушкина, призывавшие её «глаголом жечь сердца людей» и находящие отклик в сердце каждого русского писателя, которому дорога свобода и независимость родного Отечества, правдивое Слово поэта-патриота, идущее к нам из прошлого в будущее... Это то великое культурное наследие, которое она бережно хранила в своём сердце поэта и стремилась его не предать, а сохранить и... передать следующему поколению России:

Не страшно под пулями мёртвыми лечь,
Не горько остаться без крова, –
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесём,
И внукам дадим, и от плена спасём
Навеки!

«Мужество». 1941–1942 г.

Для неё, русской поэтессы, *русское слово* – не только родной язык её предков и её народа, не только бессмертное слово великой русской литературы, литературы Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Брюсова, Бунина, Блока и других её кумиров, но это ещё и история Родины, её боль и страдание:

Дай мне горькие годы недуга,
Задыханья, бессонницу, жар,
Отыми и ребёнка, и друга,
И таинственный песенный дар –
Так молюсь за Твоей литургией
После стольких томительных дней,
Чтобы туча над тёмной Россией
Стала облаком в славе лучей.

«Молитва». 1914

Слова этого удивительного стихотворения в редком для русской поэзии жанре молитвы (См.: «Молитва» М.Ю.Лермонтова, 1837) наполнены такой страстной любовью к Родине, болью за её людские потери в начавшейся Первой мировой войне 1914 года, но и готовностью отречься от всех земных благ во имя победы в этой смертоносной войне, что поражаешься силе вырвавшегося из самого сердца любящей женщины, нежной матери, любимой, из сердца русского поэта этого чисто русского чувства самопожертвования во имя свободы и величия Отечества, характерного для *русской национальной ментальности*. И уже в зрелом возрасте она скажет:

Нет! и не под чуждым небосводом
И не под защитой чуждых крыл
Я была тогда с моим народом,
Там, где мой народ, к несчастью, был.

И противопоставление эпитета *чуждый* интимному местоимению *мой* (*народ*), несомненно, является ключевым для понимания этой сквозной темы в творчестве поэтессы, положившей на алтарь Отечества всю свою жизнь и своё призвание русского Поэта...

В представлении массового читателя А.А. Ахматова – лирическая поэтесса, сдержанная в проявлении своих чувств, которой чуждо, якобы, публицистическое, страстное выражение своих мыслей и переживаний. Однако метафора «жар «сердца», «жар «любви» и т.п. образные словосочетания – свидетельство пылкого и горячего чувства *гражданского и по-женски материнского сопереживания со своими соотечественниками эпохи ломки и создания новой России XX века.*

С особой силой эта особенность её поэтического голоса звучала в трудные для России годы: первая мировая война (1914–1917 гг. – «Молитва», 1914), Октябрьская революция и Гражданская война (1917–1922 гг. – «Мне голос был...», 1917; «Не с теми я...», 1922); репрессии 1930-х гг. («Реквием», 1935–1940); Великая Отечественная война (1941–1945 гг. – «Клятва», 1941; «Мужество», 1942; «Победителям», 1944; «Победа», 1942–1945 и др.).

Концепт родная земля в течение всего творчества Анны Андреевны обрастал всё новыми и новыми оттенками значений, расширяя его дорогами и близкими её со-значениями, ассоциациями, образами, философскими и историко-культурными символами, отражавшими не только личный опыт самой поэтессы, но и жизнь народов России XX в. Если в 1913 году для неё это общая с народом земля, на которой она родилась и которая вызывает у неё боль за нищенскую жизнь народа:

Ты знаешь, я томлюсь в неволе,
О смерти Господа моля.
Но всё мне памятна до боли
Тверская скудная земля –

то уже во время Первой мировой войны это – родная земля, политая кровью её соплеменников:

Так молюсь за Твоей литургией
После стольких томительных дней,
Чтобы тучи над тёмной Россией
Стали облаком в славе лучей –

которая исторгает страстное молитвенное обращение к Господу изба-вить Родину от горя, крови, слёз матерей и смерти детей России:

Над ребятами стонут солдатки,
Вдовий плач по деревне стоит.

Здесь впервые появляется мотив сопереживания с российскими матерями, теряющими своих детей на полях сражений, близкий ей, молодой матери... В годы Великой Отечественной Войны – это уже:

Ваньки, Васьки, Алёшки, Гришки,
Внуки, братики, сыновья –
положившие *«Жизнь свою за други своя»* (1944).

Пережив со своим народом все его горести и напасти, Ахматова в стихотворении «Мне голос был...» (1917) воспринимает родную землю как многострадальный родной и дорогой её сердцу край, который нельзя предать, бросив её в тяжёлое для неё время:

Мне голос был. Он звал утешно,
Он говорил: «Иди сюда,
Оставь свой край, глухой и грешный,
Оставь Россию навсегда.
Я кровь от рук твоих отмою,
Из сердца выну чёрный стыд,
Я новым именем покрою
Боль поражений и обид».

Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не осквернился скорбный дух.

И эта мысль не оставляет её в последующие годы, углубляя осознание поэтом родной земли как общую судьбу с родным народом:

Не с теми я, кто бросил землю
На растерзание врагам.
Их грубой лести я не внемлю,
Им песен я своих не дам.

Но вечно жалок мне изгнанник,
Как заключённый, как больной.
Темна твоя дорога, странник,
Полынью пахнет хлеб чужой.

А здесь, в глухом чаду пожара
Остаток юности губя,
Мы ни единого удара
Не отклонили от себя.

И знаем, что в оценке поздней
Оправдан будет каждый час;
Но в мире нет людей бесслёзней,
Надменнее и проще нас.

Для неё мы – это ощущение внутренней судьбы и кровной общности с народом, с которым пройден тернистый путь, но пройден достойно, «бесслёзно», без жалоб и стенаний, с сохранением в глубине сердца страстной приверженности к традициям и заветам предков...

Её поэзия удивительно диалогична: она отвергает соблазнительные предложения своих оппонентов, она спорит с ними, отстаивая единственное для неё неукоснительное право – право быть вместе со своим народом и в горе, и в радости, деля с ним его судьбу, которая стала и её судьбой...

И в этом горделивом профиле Анны Ахматовой, знакомом всем её читателям по многочисленным фотографиям и портретам, столько чувства собственного достоинства и неприступности, самоуглублённости и сосредоточенности на каких-то только ей доступных и понятных мыслях, что невольно приходят на память её же слова:

Как в прошедшем грядущее зреет,

Так в грядущем прошлое тлеет...

«Для неё это не просто афоризм, эту истину она воплотила в живых и осязаемых образах» [9]. Не об этом ли вся её поэзия – чтоб свеча не погасла?

Источники и литература:

1. Ахматова А.А. «Узнают голос мой...» Стихотворения. Поэмы. Проза. Образ поэта./Сост. Н.Н. Глен, Л.А. Озеров. – М.: Педагогика, 1989.
2. Гаспаров Б. М. Поэтика «Слова о полку Игореве». – М.: Аграф, 2000.
3. Ключевский В.О. Значение преп. Сергия Радонежского для русского народа и государства// Литературные портреты. – М.: Современник, 1991.
4. Колесов В.В. Философия русского слова. – СПб: ЮНА, 2002.
5. Лихачев Д.С. Земля родная. – М.: Просвещение, 1983.
6. Пришвин М. Дневники. 1923–1925. – М.: Русская книга, 1999.
7. Горбачевич К.С., Хабло Е.П. Словарь эпитетов русского литературного языка. – Л.: Наука, 1979.
8. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. – М.: Академический проект, 2001.
9. Чуковский К.И. Анна Ахматова. Хрестоматия критических материалов. Русская литература рубежа XIX–XX веков. – М.: Айрис Пресс, Рольф, 1999.

Referenses

1. Ahmatova A.A. «Uznajut golos moj...» Stihotvorenija. Pojemy. Proza. Obraz pojeta./Sost. N.N. Glen, L.A. Ozerov. – M.: Pedagogika, 1989.
2. Gasparov B. M. Pojetika «Slova o polku Igoreve». – M.: Agraf, 2000.
3. Kljuhevskij V.O. Znachenie prep. Sergija Radonezhskogo dlja russkogo naroda i gosudarstva// Literaturnye portrety. – M.: Sovremennik, 1991.
4. Kolesov V.V. Filosofija russkogo slova. – SPb: JuNA, 2002.
5. Lihachev D.S. Zemlja rodnaja. – M.: Prosveshhenie, 1983.
6. Prishvin M. Dnevniky. 1923-1925. – M.: Russkaja kniga, 1999.
7. Gorbachevich K.S., Hablo E.P. Slovar' jepitetov russkogo literaturnogo jazyka. – L.: Nauka, 1979.
8. Stepanov Ju.S. Konstanty: slovar' russkoj kul'tury. – M.: Akademicheskij proekt, 2001.
9. Chukovskij K.I. Anna Ahmatova. Hrestomatija kriticheskikh materialov. Russkaja literatura rubezha XIX–XX vekov. – M.: Ajris Press, Rol'f, 1999.